

А. Дараган

**Естественная история животных,
рассказанная для детей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Дараган**
Естественная история животных, рассказанная для детей / А. Дараган – М.: Книга по Требованию, 2018. – 390 с.

ISBN 978-5-518-11096-0

ISBN 978-5-518-11096-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

**ЧТО НАДО ЗНАТЬ, ЧТОБЫ СЪ ПОЛЬЗОЮ ПРОЧИТАТЬ
ЕСТЕСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ ЖИВОТНЫХ.**

ЧТО НАДО ЗНАТЬ, ЧТОБЫ СЪ ПОЛЬЗОЮ ПРОЧИТАТЬ
ЕСТЕСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ ЖИВОТНЫХЪ.

Куда ни посмотришь, куда ни оглянешься на бѣломъ свѣтѣ. вездѣ есть животныя. вездѣ есть движеніе, жизнь. и не найдешь на свѣтѣ уголка, въ которомъ не было бы хоть какого нибудь живаго существа. Посмотришь на улицу: тамъ ходятъ и суетятся люди; солдаты въ косматыхъ шиншакахъ идутъ на службу Царскую; мужики весело работаютъ, распѣвая свои пѣсни; ребятишки играютъ или

ссорятся, сами не зная изъ за чего; разносчики увѣряютъ, будто у нихъ очень хорошіе апельсины и лимоны, и все это, солдаты, ребятишки, разносчики, бабы, офицеры, чиновники, дамы, извозчики, дѣвочки, купцы, кадеты, молочницы, слуги, всѣ они идутъ и ѣдутъ въ разныя стороны, встрѣчаются, толкаются, молчатъ, расходятся, бѣгутъ, кричатъ, кланяются, спѣшатъ, и все это живетъ, движется, и все это животныя. Вѣдь всякій изъ насъ давно знаетъ, что человѣкъ тоже животное, только гораздо лучше, умнѣе всѣхъ остальныхъ животныхъ. Кромѣ человѣка.

на улицѣ увидишь еще множество животныхъ: лошадь, которая какъ будто за тѣмъ и создана, чтобы помогать, человеку въ самыхъ тяжелыхъ работахъ; вѣрную собаку, которая бѣжитъ за своимъ господиномъ, сводя знакомство со всѣми встрѣчными собаками; иной разъ увидишь и корову, которая вѣчно что то жуесть. Но кромѣ ихъ, сколько еще птицъ, сколько воронъ, голубей, воробьевъ, ласточекъ, и какое безчисленное множество мухъ, жуковъ, мошекъ, комаровъ, червяковъ, которыхъ съ перваго взгляда и не заметишь! и все это живетъ, движется; и все это животныя.

Послѣ улицы взглянешь куда нибудь на крышу, — и тамъ вездѣ животныя, вездѣ жизнь. Тутъ долгоногая ворона заботливо гложетъ какую нибудь косточку; тамъ курносый воробей торопливо скачетъ обѣими ногами разомъ и отыскиваетъ себѣ какого нибудь зернушка или мухи; здѣсь потихоньку, виляя хвостомъ, крадется хитрая кошка, подбираясь къ неосторожной птичкѣ; а тутъ, подъ крышей, ласточка искуснѣе всякаго камешника строитъ себѣ гнѣздо; толстый паукъ заботливо раскидываетъ свои сѣти; большія зеленеватыя муки съ шумомъ и жужжаньемъ летаютъ въ перепонку, дѣлаютъ круги, и садятся отдохнуть на солнушкѣ; иная муха летаетъ не двигаясь съ мѣста, машетъ крыльями такъ проворно, что невозможно приметить, а не подвигается впередъ; вотъ налетѣла на нее другая, сшиблись, за-

жужжали, мигомъ облетѣли небольшой кругъ, и опять обѣ неподвижно держатся въ воздухѣ; маленькіе стѣнные муравьи по своей протоптанной дорожкѣ хлопотливо пробираются одинъ за другимъ и несутъ себѣ домой запаснаго корму на зиму; худенькіе комары, которые, кажется, цѣлый свой вѣкъ на досугѣ, празднуютъ хорошую погоду, собравшись поплясать въ одну большую кучу, и носятся, и прыгаютъ, и толпятся около одного и того же мѣста; кромѣ того множество малѣйшихъ, едва примѣтныхъ желтыхъ, голубыхъ, зеленыхъ, коричневыхъ, красноватыхъ, сѣрыхъ, черныхъ мошекъ и червячковъ ползаетъ, крадется, скачетъ, летаетъ, жужжитъ и ищетъ поживиться чѣмъ Богъ пошлетъ.

Подумаешь о томъ, что дѣлается гдѣ нибудь не въ городѣ, а далеко, въ какомъ нибудь лѣсу, — и тамъ животныя, и тамъ жизнь на каждомъ шагу. Медвѣди, волки, лисицы, зайцы, кролики, тетерьки, рябчики, совы, ястребы, коршуны, куропатки, голуби, овсянки, жаворонки, муравьи, черви, бабочки, пчелы, мухи, мошки, все такъ и кипитъ жизнью, все ходитъ, бѣгаетъ, ползаетъ, суетится, ищетъ себѣ пропитанія.

И въ водѣ, въ морѣ — такъ же много жизни и животныхъ, какъ на землѣ. Громандный китъ, прожорливая акула, ерши, окуни, шуки, сиги, стерляди, и безчисленное множество такихъ рыбъ и такихъ червяковъ, о которыхъ даже не всякій и слыхалъ.

Да, по правдѣ сказать, на свѣтѣ много и не червяковъ, и не животныхъ, а другихъ вещей, гораздо обыкновеннѣе и проще, которыя знаетъ не всякій и не всякій понимаетъ.

Возьмемъ въ примѣръ хоть самую простую вещь, камень. Ежели бросить камень какъ можно дальше вверхъ, то почему онъ непременно упадетъ на землю? Дѣло очень простое и отвѣтъ самый легкій, не правда ли? — Потому что онъ тяжелъ. — Очень хорошо; да почему же все тяжелое, брошенное, падаетъ непременно на землю? почему именно падаетъ, летитъ прямо къ землѣ? — Вотъ это ужъ не такъ просто, надъ этимъ и призадуматься можно; а между тѣмъ былъ одинъ великій человѣкъ, который уже давнымъ давно умеръ, и который лучше всѣхъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ и объяснилъ его такъ подробно, что и прибавить нечего.

Или вотъ еще любопытный вопросъ: ежели злое дитя у мухи отрѣжетъ голову, то муха непременно умретъ, а ежели у деревца отрѣзать вершину, да кромѣ того обкарнать половину вѣтвей, — деревцо не умретъ, а будетъ продолжать расти. Почему? — Отчего муха умретъ, а деревцо будетъ жить?

Или еще: ежели кого нибудь слегка, потихоньку, такъ чтобы онъ не видалъ, уколоть булавкой, то почему онъ въ ту же самую секунду почувствуетъ боль? Можетъ быть вамъ кажется, что и на это отвѣчать легко? Да, это правда, очень

легко отвѣчать на всякій вопросъ, ежели отвѣчать на него кое-какъ; а между тѣмъ, ежели захотимъ все дѣло объяснить подробно и понятно, такъ чтобы послѣ того и спросить ничего не оставалось, то отвѣтить очень трудно. Такъ почему же человѣкъ почувствуетъ боль? Потому что у него нѣжная кожа? Потому что онъ живъ, и только неживое не чувствуетъ боли? — Этого мало; послѣ этаго можно еще спросить: почему же нѣжная кожа чувствуетъ боль? почему живому тѣлу больно то, что не живому ничего? и такъ далѣе, можно разстрашивать до того, что вы ужъ не въ состояніи будете отвѣчать. А между тѣмъ отвѣтъ на этотъ вопросъ есть совсѣмъ готовый, только вы его не знаете, потому что не знаете всѣхъ тѣхъ наукъ, которыя вѣстѣ называются Естественной Исторіей.

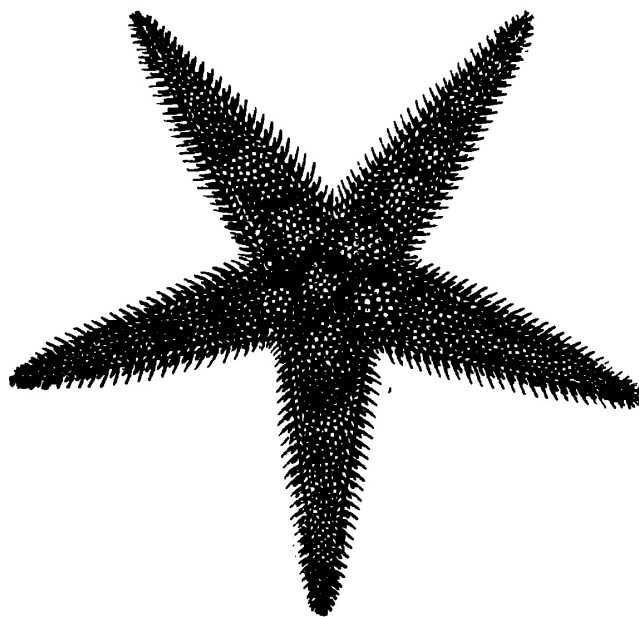
Можетъ быть вамъ приходилъ когда нибудь въ голову вопросъ: почему термометръ можетъ показывать холодъ и тепло? — Термометръ — самая простая вещь, которая есть въ каждомъ домѣ, по которой всякій ребенокъ можетъ сказать сколько теперъ градусовъ тепла или морозу; — такъ не жалко ли не понимать такой простой, обыкновенной вещи и не уметь объяснить почему она можетъ показывать и жаръ, и холодъ? И есть еще безчисленное множество подобныхъ очень простыхъ вещей, которыхъ вы не понимаете. и въ то же время въ Естественной Исторіи есть готовый отвѣтъ на всякій разумный во-

прось, какой только можетъ придти вамъ въ голову. Спросите: какъ предсказать въ какой день и въ которомъ часу въ будущемъ году будетъ затмѣніе солнца? Сколько верстъ отъ земли до луны, и какъ это смѣрить? Отчего какой нибудь предметъ сквозь увеличительное стекло кажется намъ больше, нежели на самомъ дѣлѣ? Какъ дѣлается красная краска? Откуда достается золото? Какъ дѣлается сталь? Какъ сдѣлать, чтобы на яблонѣ росли груши? Что ѣдятъ слоны? Гдѣ живутъ киты? Чѣмъ питаются муравьи? Изъ чего пчелы дѣлаютъ медъ? Гдѣ живутъ зимою мухи и комары, и откуда они берутся лѣтомъ? На все это, и на всѣ подобныя вопросы отвѣтить вамъ Естественная Исторія; а небольшая частица ея, именно о Животныхъ, расскажетъ вамъ только о томъ, какія на свѣтѣ есть животныя, и какъ, и гдѣ, и чѣмъ они живутъ.

И о животныхъ Естественная Исторія рассказываетъ очень много любопытнаго, не всякому извѣстнаго. Напримѣръ всякій ли знаетъ, что въ иныхъ рѣкахъ водится небольшая рыбка, которая на обѣдъ себѣ бьетъ мухъ, стрѣляя въ нихъ водою? Эта рыбка держится обыкновенно около береговъ, и какъ только замѣтитъ на травкѣ гдѣ нибудь, не очень высоко надъ водою, сытную муху, изъ за которой стоитъ похлопотать, она выстрѣлитъ въ нее изъ рта небольшою кругленькою каплей воды, непременно всякій разъ попадетъ, собьетъ муху съ

травки, та падаетъ въ воду, а искусная рыбка тотчасъ ее глотаетъ. Всякій ли знаетъ, что на свѣтѣ есть такое животное, у котораго три рога на лбу? и другое, у котораго одинъ рогъ на носу? Впрочемъ теперь вовсе еще не время спрашивать, кто что знаетъ и чего не знаетъ: гораздо лучше будетъ спросить объ этомъ въ концѣ книги.

Покажѣтъ довольно знать, что на свѣтѣ есть удивительныя животныя, о которыхъ, не зная хорошенько, нельзя даже и подумать, что они животныя, а скорѣе покажется, что они какія нибудь растенія, напримѣръ то, которое нарисовано здѣсь.

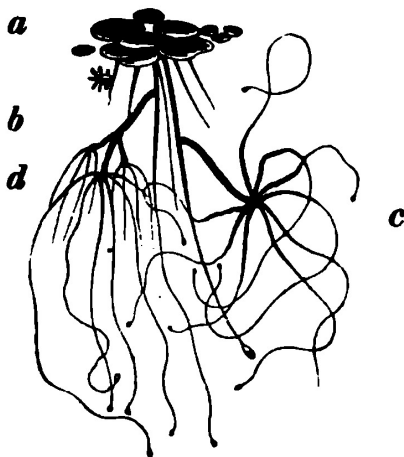

Звѣздчатка.

Все тѣло этого страннаго животнаго, которое называется Звѣздчаткой или Морской Звѣздой, и живетъ обыкновенно въ морѣ, покрыто жесткой, даже колючей

оболочкой красноватокоричневаго цвѣта; нѣтъ у него ни ногъ, ни рукъ, ни крыльевъ, ни плавательныхъ перьевъ; только съ лѣвой стороны, въ углу между двумя лучами этой жесткой звѣзды замѣтно отверстие, которое можетъ сжиматься и разжиматься; это ротъ.

Есть еще животныя, которыя чуть ли не страннѣе этого, именно Гидры; онѣ такъ малы и такъ похожи на маленькія растѣнія, что если бы не сказать, то иной подумалъ бы, что приложенный здѣсь рисунокъ представляетъ какія нибудь корни. Тутъ сверху, около того мѣста, гдѣ

Гидры.

посавлена буква *a*, нарисованы маленькіе зеленые кружечки, которые часто случается видѣть на стоячей водѣ, гдѣ нибудь на болотѣ или въ глухой канавѣ. Около корешковъ этихъ зеленыхъ кружечковъ часто можно примѣтить небольшіе, мягкіе, длинноватые наросты, цвѣтомъ и прозрачностью похожіе на студень, величиной не длиннѣе ногтя на маленькомъ пальцѣ, такъ что здѣсь на ри-

сункѣ онѣ, какъ видите, сильно увеличены, чтобы было яснѣе. Усики, которые видны здѣсь пучками около одного мѣста, противъ буквъ *c* и *d*, — руки этого маленькаго животнаго; въ срединѣ, между этими усиками, есть маленькое отверстие, ротъ гидры, который можно различить и у насъ на рисункѣ, противъ буквы *d*. Всякій, кто хочетъ, можетъ достать себѣ этихъ странныхъ животныхъ и разсматривать ихъ настоящихъ, живыхъ, а не на рисункѣ. Для этого стоитъ только въ миску съ водою набрать нѣсколько зеленыхъ кружечковъ съ болотной воды, или просто какихъ нибудь водяныхъ травъ, и поставить миску на солнцѣ такъ, чтобы освѣщалась только небольшая часть кружечковъ. Гидры, которыя всегда стараются помѣщаться на солнцѣ, гдѣ потеплѣе, оставятъ корешки, за которые онѣ держались и всѣ пустятся на освѣщенное мѣсто; инныя поплывутъ, извиваясь, другія медленно поползутъ, и тогда навѣрное подъ большею частію зеленыхъ кружечковъ на освѣщенномъ мѣстѣ можно будетъ найти нѣсколько гидръ. Онѣ питаются другими животными, которыя еще мельче ихъ, схватываютъ ихъ своими длинными, гибкими усиками, которыя служатъ имъ вмѣсто рукъ, подносятъ ко рту и глотаютъ. Что всего удивительнѣе въ гидрахъ, такъ это то, что онѣ чрезвычайно живучи. Каждую изъ нихъ можно разрѣзать на нѣсколько кусочковъ, и черезъ нѣсколько времени каждый изъ этихъ ку-

сочковъ выростеть, станетъ двигаться, выростутъ у него такіе же какъ и прежде усики, такъ что изъ одного животнаго разомъ сдѣлается два, три, пять, или пожалуй больше. Гидру, у которой тѣло ни что иное, какъ продолговатая, пустая, закрытая съ одного конца трубочка, можно также выверотить на изнанку, какъ палецъ перчатки, такъ что наружная кожа будетъ внутри, а внутренняя съ наружи, и животному отъ этого не сдѣлается особенно неловко; оно будетъ продолжать двигаться и питаться по прежнему. У гидры нѣтъ ни ушей, ни глазъ, ни носа; есть только маленькая чувствительность въ усикахъ, которые тотчасъ схватываютъ всякое маленькое животное, только что оно къ нимъ прикоснется. Замѣчательно еще, что гидры не несутъ яичекъ, а рождаются отростками. Въ нашемъ рисункѣ противъ буквы *b*, видно какъ на большой гидрѣ съ длинными усами выросли двѣ маленькія, съ коротенькими усиками. Обыкновенно онѣ подрастутъ еще немножко, отстанутъ отъ тѣла своей матери и поплывутъ куда нибудь жить отдѣльно, прилѣпятся къ водянной травкѣ, растутъ, живутъ, питаются и скоро изъ нихъ понемногу начинаютъ выростать другія гидры, съ которыми опять повторится тоже самое.

Есть еще множество странныхъ животныхъ, еще болѣе похожихъ на растѣнія, напримѣръ коралль, удивительно похожій на деревцо безъ вѣтвей и листьевъ, а между тѣмъ это животное, или, лучше

Коралловый стволъ.

сказать, цѣлая колонія животныхъ, которыя выводятся такъ же какъ гидры, отростками; только не отстаютъ отъ своихъ матерей, живутъ, мало по малу твердѣютъ, продолжаютъ жить въ своей твердой оболочкѣ, и умираютъ, оставляя послѣ себя небольшой твердый бугорокъ съ впадиной, въ которой заводится новое молодое животное.

Но мы послѣ будемъ говорить о кораллахъ, а теперь посмотримъ справедливо ли мы называемъ коралль животнымъ, а не растѣніемъ, и какая же разница между всякимъ другимъ животнымъ и всякимъ растѣніемъ?

Развѣ растѣніе также не живетъ? Вѣдь оно питается, выростая изъ маленькаго зернушка, брошеннаго въ землю, пускаетъ сначала маленькій корень, потомъ . . . , нѣтъ пусть лучше расскажетъ намъ это нашъ знаменитый поэтъ Жуковскій.

Слушайте дѣти! Въ каждомъ зернушкѣ тихо и смирно
 Спитъ невидимкой малютка зародышъ. Долго, долго
 Спитъ онъ, какъ въ люлькѣ, не ѣстъ, и не пьетъ, и не пикнетъ, доколѣ
 Въ рыхлую землю его не положить и въ ней не согрѣютъ.
 Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею;
 Вотъ тихомолкомъ проснулся, взглянулъ и сосеть, какъ младенецъ,
 Сокъ изъ роднаго зерна, и растетъ, и невидимо зрѣетъ;
 Вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешокъ пробуравилъ,
 Роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ.
 Что же? . . . Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ . . . «Какъ бы провѣдать
 Что тамъ на бѣломъ свѣтѣ творится?» . . . Тайкомъ, боязливо
 Выглянулъ онъ изъ земли . . . Ахъ, Царь мой небесный, какъ любо!
 Смотришь, — Господь Богъ ангела шлетъ къ нему съ неба:
 «Дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй.»
 Пьетъ онъ . . . ахъ какъ малютчкѣ сладко, свѣжо и свободно!
 Рядится красное солнышко; вотъ варядилось, умылось,
 На горы вышло съ своимъ руководълемъ; идетъ по небесной
 Свѣтлой дорогѣ; прилежно работая смотритъ на землю,
 Словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбулось,
 Такъ улыбулось, что всѣ корешки молодые взъиграли,
 «Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!»
 Въ чемъ же его руководъле? Течетъ облако дождевое; —
 Смотришь; — посмеркло; вдругъ — каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло.
 Жадно зародушекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ, — и обсохнулъ.
 «Нѣтъ (говоритъ онъ), теперь ужъ подъ землю меня не заманятъ.
 «Что мнѣ въ потемкахъ? здѣсь я останусь; пусть будетъ что будетъ!»

.

Свѣжесть повѣяла солнышко яркое на горы вышло;
 Смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и крошку цѣлуешь.
 Вотъ онъ и ожилъ опять, и себя отъ веселья не помнить.
 Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами;
 Вишня въ саду зацвѣла, зеленѣетъ и слива, и въ полѣ
 Гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо,
 Наша былиночка думаетъ: «я назадъ не останусь!»
 Кстатиль! лютки распустила . . . кто такъ прекрасно соткалъ ихъ?
 Вотъ стебелекъ показался . . . кто изъ жилочки въ жилку
 Чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной?
 Вотъ проглянулъ, напился и качается въ воздухѣ колось
 Добрые люди, скажите, кто такъ искусно развѣсилъ
 Почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ нитяхъ?

(Овсяный Кисель.)

И въ самомъ дѣлѣ, всякое растѣніе родится изъ зернушка, мало по малу вырастаетъ изъ земли, растетъ, питается земнымъ сокомъ, зрѣетъ, умираетъ, сохнетъ и гниетъ, такъ что смѣло можно сказать, что растѣніе живетъ. За то камень, напримѣръ, или земля, или какойнибудь песокъ, или золото, желѣзо, мѣдь, — вовсе не живутъ, не питаются. Всякій съ перваго взгляду отличить тѣло живое отъ неживаго. Тѣло неживое бываетъ всегда неправильное, угловатое, иногда очень большое, иногда очень маленькое; а тѣло живое на видъ всегда одинаково, и не угловато, а скорѣе имѣетъ формы болѣе выгнутыя и скругленныя. Возьмемъ въ примѣръ неживаго тѣла хоть мраморъ; онъ и въ маленькомъ кусочкѣ съ булавочную головку, и въ цѣлой скалѣ, или горѣ — все мраморъ; ежели онъ не обдѣланъ, то окраины у него ломанныя, угловатыя; можно его разбить на множество мельчайшихъ кусочковъ, и все таки онъ останется мраморомъ. А тѣло живое, на примѣръ левкой или резеда, никакъ не можетъ быть величиною съ домъ или съ гору, всегда бываетъ одинаковаго виду, всегда приноситъ одинаковые цвѣточки.

Живое тѣло бываетъ обыкновенно живо нѣсколько времени, питается, старѣетъ, и непременно умираетъ; а тѣло неживое умереть не можетъ, ужъ потому самому, что оно не живетъ; оно будетъ вѣчно и неподвижно существовать до тѣхъ поръ,

пока чьянибудь посторонняя сила не придетъ его разрушить.

Въ живомъ тѣлѣ всегда есть частицы твердыя и частицы жидкія, и твердая половина живаго тѣла всегда устроена такъ, что въ ней есть трубочки и жилки, по которымъ течетъ и переливается питательная жидкость. Сорвите цвѣтокъ, травку, сломите вѣтку съ дерсва, всегда на оторванномъ или переломленномъ мѣстѣ замѣтите маленькую влажность; не поливайте долго какогонибудь растѣнія, — земля засохнетъ, растрескается и растѣніе умретъ, высохнетъ, потому что оно не можетъ жить безъ пищи. А въ тѣлѣ неживомъ ничего такого нѣтъ; въ немъ всѣ частицы одинакія, нѣтъ ни трубочекъ, ни жилокъ для питанія, потому что нѣтъ самаго питанія, все грубо, и просто, и неподвижно, и неизмѣнчиво.

Такъ во всѣхъ живыхъ тѣлахъ есть трубочки, жилки, отверстія, или, какъ говорится, органы, которые всѣ вмѣстѣ и составляютъ самое тѣло; и потому всѣ живыя тѣла называются также и органическими. Собака, береза, гвоздика, лошадь, мышь, маргаритка, медвѣдь, лягушка, дубъ, овесъ, муха, резеда, муравей, человѣкъ, левъ, липа, змѣя, роза, комаръ, елка, — все это тѣла органическія; только нельзя же ихъ такъ смѣшивать; одни изъ нихъ животныя, а другія растѣнія. Какъ же и чѣмъ отличить животное отъ растѣнія? Конечно ничего нѣтъ легче; животное можетъ ходить, или прыгать, или ползать, или летать, или пла-